

Он ответил на звонок и сказал:

— Машина уже у ворот, поторопитесь, художники.

Е Сюй предупредила Ло Шэн заранее, поэтому, как только Е Цин переступил порог, официант почтительно проводил троицу к столику в глубине зала.

Е Цин без лишних церемоний сделал заказ, и, когда официант удалился, успокоил приятелей:

— Не дёргайтесь, счёт — на мою сестру.

Ху Юй кивнул и, дёргая Е Цина за рукав, залепетал:

— Е-е-е-е Цин...

— Ты что, зайкой стал? Расслабься, с сестрой моей — деньги не проблема! — Молодой господин Е размашисто махнул рукой, полный важности.

Ху Юй ткнул пальцем куда-то за спину Е Цина:

— Вон тот, на сцене... это не Линь Го?

Е Цин обернулся. До сцены от их столика было ещё три-четыре стола, свет был томно-жёлтым, интимным. Е Цин, встав на колени на сиденье, пару минут всматривался, затем опустил голову, взял только что поданный бокал и сделал глоток. — По-моему, он.

— Тоже думаю, что он, — поддержал Лу Мэнбай.

— Как он сюда попал? — спросил Ху Юй.

— На меня не смотри, откуда мне знать! — отозвался Лу Мэнбай.

— Кхм, — Е Цин отпил ещё. — Не знал, что Линь Го так хорошо поёт.

На сцене Линь Го тихо исполнял немецкую народную песню. Хотя оригинал был печальным, здесь её слегка переделали, и в этой атмосфере она звучала просто как меланхоличная, романтическая баллада — ничего более.

Публике нравилось.

Посетители «Сюй Няи» в основном были состоятельными ценителями «атмосферы». Для них неважно было понимать слова — чем непонятнее, тем выше снобизм. О чём песня — тоже не суть. Главное — настроение, аура. Они же не на экзамен по аудированию пришли, чтобы вникать в сюжет.

Важно было, чтобы голос певца ласкал слух, внешность радовала глаз, а сама композиция была достаточно «эстетской».

Прямолинейные песни о любви — категорическое нет. Даже если умираешь от желания признаться, нужно облечь это в форму вроде классического «Сегодня луна прекрасна» от Нацумэ Сосэки.

Зачем так сложно? Линь Го частенько думал, что вся эта «духовность» — просто способ помучить и себя, и других.

Порой, глядя со сцены на этих людей, он уставал за них.

Вот как на днях: девушка, изучавшая западное искусство, привела сюда парня. Тащила его от архитектуры к живописи, а тот, похоже, ни в зуб ногой, не мог вставить и слова. Девушке, видя его реакцию, тоже было неловко.

Но, подумав о себе, Линь Го вздохнул: мучить может не только «духовность».

— Ничего себе, многогранная личность, — сказал Е Цин.

— Ага, я вообще никогда не слышал, как он поёт, — добавил Лу Мэнбай.

— Шас запишу видосик, скину Гу Чанъаню, — Ху Юй достал телефон и начал украдкой снимать.

Гу Чанъань, получив сообщение от Ху Юя, находился в библиотеке. Открыв видео, он написал: «Чё за хрень? Я в библе, связь хреновая».

Ху Юй ответил: «Тогда выйди и посмотри. Твой брат Ху тебя не подведёт».

Гу Чанъань убрал телефон и продолжил читать.

Примерно через полчаса Ху Юй позвонил. Гу Чанъань сбросил. Ху Юй позвонил снова. Гу Чанъань снова сбросил. После четвёртого звонка Гу Чанъань наконец вышел из читального зала с книгой в руке, набирая номер, пока ждал лифт.

— Предупреждаю, если у тебя нет достаточно веской причины, вечером я тебя в пол утопчу, — прорычал он, как только связь установилась.

— Да за что?!

— Мешаешь учиться. Мешаешь готовиться в преемники социалистического дела.

— Да иди ты... тебе ли в преемники-то... Видео посмотрел?

— Посмотрел, — ответил Гу Чанъань.

— Врёшь. Посмотрел бы — уже спросил бы.

— Ну и что там?

— Сам посмотри, а то я расскажу — неинтересно будет.

— Тьфу. Эй, вы где вообще? Там такой шум.

— На такси ловим. Тут поймать сложно. Хорошо, я тепло одел-таки, а то блин, холодрыга.

— Ты вообще в курсе, где находишься? Уже ноябрь. Если бы тебе не было холодно, это было бы оскорблением для всего Северо-Востока.

— Ладно, не буду тебя задерживать, руки коченеют.

Ху Юй положил трубку.

Гу Чанъань вышел из библиотеки, открыл видео. Загрузилось через силу. Темнотища... Что за

хлам? Ху Юй снимать вообще не умеет.

Он прибавил яркость и громкость. Похоже, Ху Юй снимал издалека и не приближал. А этот голос... этот голос...

Линь Го?

На улице было не особо разобрать, да и на полную громкость не включишь. Гу Чанъань ускорил шаг и снова набрал Ху Юя.

— Чего опять? — ответил Ху Юй.

— Ты Линь Го снимал?

— Ну да. Глянул?

— Ага. Это где? Что он там делает?

— Эй, а про меня поинтересоваться?

— С тобой-то что не так?

— Ладно, будь по-твоему. Мы в баре были. Линь Го там подрабатывает — поёт.

— Поёт? В каком баре? Он мне ничего не говорил. Тебе сказал?

— Батарейка на исходе, расскажу, когда вернёмся. Мы уже в машине.

Вернувшись в общагу, Гу Чанъань кивнул Сюй Чэну, достал наушники и снова открыл видео.

Голос у Линь Го был чистый, мягкий. Хотя язык был непонятен, это не мешало Гу Чанъаню слушать.

Всего десять секунд. Лица не разобрать, звук так себе. Гу Чанъань хотел уже написать Линь Го, но сдержал порыв — пусть сначала Ху Юй всё объяснит.

Вот же парень... а я-то думал, он там терпеливым репетитором сидит, детям задачи объясняет. Я даже, чтобы общие темы были, двух школьников себе нашёл — занимаюсь. Говорят, те ещё сорванцы, если бы мои были, я б их... Ну да ладно.

Минут через двадцать три детектива вернулись.

Ху Юй, потирая руки, прошипел:

— Кончаюсь от холода. Только ноябрь, а уже так! Зимой тут вообще сдохнешь.

— Будто ты не на Северо-Востоке последние двадцать лет прожил, — рассеянно бросил Гу Чанъань.

Ху Юй переоделся, похлопал Гу Чанъаня по плечу. — У меня информация есть. Хочешь?

— Вопрос риторический.

— Тогда сходи, набери мне воды в термос — и расскажу, — Ху Юй задорно поднял подбородок.

— Ты что, обнаглел?

— Идёшь или нет?

— ... Ладно. Жди. — Гу Чанъань взял термос Ху Юя и вышел.

Ху Юй, попивая из кружки, с блаженным видом вздохнул:

— Ох, кайф, когда тебя обслуживают.

Е Цин, лёжа на кровати, проворчал:

— Радуйся, пока можешь. Поболтаешь ещё — окажешься на полу.

— Или в стене, — вставил Сюй Чэн.

— О, Сюй, молодец, поддерживаю, — Е Цин показал ему большой палец.

Ху Юй, покосившись на дверь, начал:

— В общем, история такая. Мы пошли, значит, на разведку. А почему? Потому что наш Цин тут видел, как Линь Го на машине Хо Лань к бару подъехал, и в его буйной фантазии тут же родился романтический сюжет про училку и ученика.

— Он что, с Хо Лань встречается? — перебил Гу Чанъань.

— Эй, не торопись! Мы в баре были. Хо Лань не видели, зато Линь Го на сцене заметили. Поёт. Кстати, слышал, что эту подработку ему Хо Лань и устроила.

Гу Чанъань нахмурился. — Не дело. Надо с ним поговорить.

— Эй, с кем поговорить-то? — Ху Юй ухватил его за рукав.

— С Линь Го.

— Батюшки! Мы только бумагу для отчёта купили, а ты уже чернила пролить хочешь? Давай не торопиться?

— Не торопиться? Если не торопиться, я скоро крестным его ребёнку стану, — Гу Чанъань дёрнул рукав на себя.

— Ох, да ты далеко заглядываешь, — влез Е Цин с верхней кровати. — Крестным тебя ещё не звали.

— Ты лежи, но везде суешь свой нос, прямо как тётка с авоськой на рынке, — отрезал Гу Чанъань. — Без тебя не обходится.

— Ладно, иди, если хочешь, — Е Цин сел на кровати. — Но я предупредил. Мы на такси уезжали, а Линь Го, скорее всего, только со смены. И ехал он, наверняка, на автобусе. Если ты сейчас налетучишь на него с расспросами — неизвестно, как он отреагирует.

— И... что же мне делать?